

Предисловие

- [Предисловие к изданию 1975 года](#)
- [Предисловие к изданию 1990 года](#)
- [Предисловие к изданию Ессо 2001 года](#)
- [Благодарности](#)

Предисловие к изданию 1975 года

Эта книга о тирании людей над животными. Она причиняла и все еще причиняет столько боли и страданий, что ее можно сравнить лишь с многовековой тиранией белых людей над черными. Борьба против этой тирании столь же важна, как и прочие моральные и социальные проблемы, которые сейчас приходится решать.

Большинство читателей воспримут только что прочитанные строки как дикое преувеличение. Пять лет назад я и сам бы рассмеялся над заявлениями, которые сейчас написал с полной серьезностью. Пять лет назад я не знал того, что знаю сегодня. Если вы внимательно прочтете эту книгу, обращая особое внимание на вторую и третью главы, вы узнаете то, что знаю я, об угнетении животных ровно в таком количестве, сколько возможно узнать из книги разумного объема. Тогда вы сможете оценить, что представляет собой мой первый абзац – преувеличение или трезвую оценку ситуации, о которой общественность в большинстве своем ничего не знает. Поэтому я не прошу вас сейчас верить абзацу, открывающему эту книгу. Я вас прошу об одном – не судить до тех пор, пока не прочтете книгу до конца.

Вскоре после того, как я начал работать над книгой, нас с женой пригласила на чай некая дама (в то время мы жили в Англии), которая узнала, что я планирую написать о животных. По ее словам, она сама очень интересовалась животными, и у нее была подруга, которая уже написала книгу о животных и очень желала бы встретиться с нами.

Когда мы прибыли, подруга хозяйки уже была там, и, конечно, жаждала поговорить о животных. «Я очень люблю животных», – начала она. «У меня есть собака и две кошки, и вы знаете, они так чудесно уживаются вместе. Вы знаете мисс Скот? Она заведует маленькой больницей для больных домашних питомцев...» – и она замолчала. Она сделала паузу, пока подавали закуски, взяла бутерброд с ветчиной и затем спросила нас о наших домашних животных. Мы сказали, что не содержим никаких домашних питомцев. Она выглядела слегка удивленной и откусила свой бутерброд. Наша хозяйка, которая уже закончила подавать бутерброды, присоединилась к нам и включилась в беседу: «Но вы ведь интересуетесь животными, не так ли, мистер Сингер?»

Мы попытались объяснить, что мы заинтересованы в предотвращении страдания и несчастья, что мы против деспотической дискриминации. Что мы считаем неправомерным причинять бесполезное страдание другому существу, даже если это существо не принадлежит к человеческому роду; и что мы убеждены в том, что животные безжалостно и жестоко эксплуатируются людьми, и мы хотим это изменить. Еще мы сказали, что не особенно интересуемся животными. Никто из нас никогда не был чрезмерно увлечен

собаками, кошками или лошадьми в том смысле, как это наблюдается у многих людей. Мы не «любили» животных, мы просто хотели, чтобы с ними обращались как с независимыми, чувствующими существами, каковыми они и являются, а не как со средствами удовлетворения человеческих нужд – не обращались как со свиньей, чье мясо было сейчас на бутербродах нашей хозяйки.

Эта книга не о домашних питомцах. Вряд ли, чтение будет приятным для тех, кто думает, что любовь к животным – это не более чем поглаживание кошки или кормление птичек в саду. Она скорее предназначена для тех людей, кто думает о вопросах прекращения эксплуатации, где бы она ни происходила, а также для тех, кто считает, что основной моральный принцип одинакового рассмотрения интересов не обязательно ограничивается членами нашего собственного вида. Сама по себе идея о том, что для интереса в таких вопросах надо быть «любителем животных», свидетельствует об отсутствии даже малейших намеков на то, что моральные стандарты, которые мы используем в человеческом обществе, могут быть распространены на животных. Никто, кроме расиста, желающего назвать своих оппонентов «любителями ниггеров», не заявит, что для обеспокоенности о равенстве дискриминируемых расовых меньшинств вам надо любить эти самые меньшинства либо считать их очаровательными или дружелюбными. Тогда зачем делать такое предположение о людях, которые работают над тем, чтобы улучшить положение животных?

Изображение тех, кто протестует против жестокого отношения к животным, в виде «сентиментальных, эмоциональных любителей зверюшек», привело к тому, что вопрос нашего обращения с «не-людьми» оказался вне серьезных политических и нравственных дискуссий. Нетрудно понять, почему мы так делаем. Если бы мы взглянули на эту проблему серьезно, если бы, например, мы внимательно присмотрелись к условиям содержания животных на современных промышленных фермах, производящих мясо, мы бы, возможно, почувствовали неловкость из-за бутербродов с ветчиной, бифштекса, жареной курицы и прочих блюд в нашем рационе, о которых мы предпочитаем не думать как о мертвых животных. Эта книга не представляет собой сентиментальную просьбу о сочувствии к «умным» животным. Я не более возмущен массовым убийством лошадей и собак для получения мяса, чем убоем свиней для той же цели. Когда Министерство обороны США узнает, что использование гончих собак для тестирования смертельных газов вызвало бурю протестов, и предлагает использовать вместо них крыс, мне от этого не легче.

В этой книге предпринимается попытка внимательно и последовательно обдумать вопрос о том, как мы должны обращаться с животными. При этом раскрываются предрассудки, которые лежат в основе наших нынешних позиций и поведения. В главах, рассказывающих о том, в чем такое отношение выражается на практике, – как животные страдают от человеческой тирании – есть эпизоды, которые вызовут некоторые эмоции. Я надеюсь, при этом возникнет чувство гнева и возмущения, а вместе с ним желание сделать что-то против описываемых практик. Но нигде в этой книге я не обращаюсь к эмоциям читателя, если они не могут быть подкреплены разумом. При описании неприятных вещей было бы нечестно пытаться рассказывать о них в нейтральных выражениях, пряча истинную неприглядность. Вы не сможете писать об экспериментах, которые «врачи» проводили в нацистских концлагерях над теми, кого они считали «полулюдьми», не испытывая при этом эмоций; и то же самое касается описаний экспериментов, которые в наши дни проводятся с животными в

лабораториях Америки, Британии и других стран. Но конечное объяснение того, почему существует оппозиция этим экспериментам, все же лишено эмоций. Это обращение к базовым моральным принципам, с которыми мы все согласны, а их применение к жертвам и тех, и других экспериментов обосновано разумом, а не эмоциями.

Название этой книги имеет серьезный смысл. Суть освободительного движения заключается в требовании отказаться от предрассудков и дискриминации, которые основаны на произвольных характеристиках, типа расы или пола. Классическим примером служит движение за освобождение негров. Прямой призыв этого движения и его первоначальный, пусть ограниченный успех, сделали его моделью для других угнетенных категорий. Вскоре мы познакомились с движением за права гомосексуалистов и движением за права американских индейцев и испаноязычных американцев. Когда женщины – самая крупная группа – начали свою кампанию, некоторые думали, что это конец света. Считалось, что дискриминация по половому признаку – это последняя форма общепризнанной дискриминации, и она открыто практиковалась даже в тех либеральных кругах, которые в течение долгого времени гордились отсутствием у них предрассудков против расовых меньшинств.

Мы всегда должны проявлять осторожность, когда говорим о «последней остающейся форме дискриминации». Если мы вынесли хоть какой-нибудь урок из освободительных движений, то должны были понять, как трудно осознать скрытые предрассудки, касающиеся нашего отношения к отдельным группам, до тех пор, пока нам на них убедительно не укажут.

Освободительное движение требует, чтобы мы расширили наши моральные границы. Действия, которые раньше казались естественными и неизбежными, в дальнейшем начинают восприниматься как результат неоправданных предрассудков. Кто может с уверенностью сказать, что никакую из его или ее позиций или практик нельзя оспорить? Если мы не хотим оказаться среди угнетателей, то мы должны быть готовы пересмотреть все наши позиции, даже самые общепринятые, по отношению к другим группам. Нам надо рассматривать наше отношение с точки зрения тех, кто из-за этого испытывает страдания, и отталкиваясь от практик, которые возникают вследствие таких позиций. Если мы сможем столь непривычным образом изменить наше мышление, то, вероятно, обнаружим закономерность в наших позициях и практиках, которая заключается в ущемлении одной группы (обычно группы, к которой мы принадлежим) в ущерб другим группам. Таким образом, мы приходим к мысли, что появилась почва для нового освободительного движения.

Цель этой книги – подтолкнуть вас к тому, чтобы вы подобным образом изменили ваши позиции и действия по отношению к очень большой группе существ: членов не нашего биологического вида. Я считаю, что наше нынешнее отношение к этим существам основано на длинной истории предрассудков и произвольной дискриминации. Я доказываю, что не существует никаких оснований, кроме эгоистического желания сохранить интересы за эксплуатирующей группой, для того, чтоб отказаться расширить базовый принцип равного внимания на членов других видов. Я прошу вас осознать, что ваше отношение к представителям других видов – это разновидность предрассудка, и он достоин не меньшего

осуждения, чем предрассудки, касающиеся расы или пола.

По сравнению с другими освободительными движениями, освобождение животных имеет много препятствий. Первое и самое очевидное из них заключается в том, что члены эксплуатируемой группы не могут сами устроить протест против отношения, с которым сталкиваются (хотя сами они могут выражать сопротивление и сопротивляются, исходя из своих возможностей). Мы должны высказываться от имени тех, кто не умеет это делать сам. Вы можете оценить, насколько серьезно это препятствие, если спросите себя, как долго неграм пришлось бы ждать равноправия, если бы они не были способны сами подняться на борьбу и потребовать этого. Чем меньше возможностей у группы подняться и восстать против борьбы, тем легче их подавлять.

Важной чертой движения за освобождение животных является то, что в эксплуатацию непосредственно вовлечены участники движения, и они получают выгоды от этого угнетения. В самом деле, немного найдется людей, которые могут взглянуть на угнетение животных с беспристрастностью, которая была присуща, например, людям белой расы на Севере при обсуждении рабства в южных штатах... Людям, которые каждый день едят трупы убитых животных, трудно поверить, что они делают что-то неправильное. Им трудно вообразить, как можно питаться по-другому. В этом вопросе любой, кто ест мясо, выступает в роли заинтересованной стороны. Они получают пользу, или, по крайней мере, думают, что получают пользу оттого, что пренебрегают интересами животных. По этой причине переубеждение становится еще более трудным делом. Скольких южных рабовладельцев удалось убедить с помощью аргументов, которые приводились северными сторонниками отмены рабства, а сейчас принимаются всеми нами? Некоторых, но не многих. Я могу сам и прошу вас перестать есть мясо, когда вы прочтете аргументы, приведенные в этой книге; но я знаю по своему собственному опыту, что даже для человека с самой сильной мире волей это нелегкая вещь. За простым мимолетным желанием поесть мясо в каком-либо случае лежит многолетняя привычка мясоедения, которая обусловила наши отношения с животными.

Привычка. Это – последнее препятствие, с которым сталкивается движение за освобождение животных. Привычки, касающиеся не только питания, но также мышления и языка, должны быть подвергнуты сомнению и изменены. Стереотипы мышления заставляют нас отмахиваться от описания жестокости к животным, как от чего-то эмоционального и предназначенного «только для любителей животных»; и даже если это не так, все равно данная проблема незначительна по сравнению с проблемами людей и не стоит внимания. Это тоже является предрассудком – ибо, как можно понять, что проблема незначительна, не уделив время для исследования ее масштабов. Для более полной трактовки в нашей книге рассматриваются только две области из многих, где люди причиняют страдания животным, но я не думаю, что человек, дочитавший эту книгу до конца, будет когда-нибудь снова думать, что нашего времени и внимания стоят только те проблемы, которые касаются людей.

Стереотипы мышления, которые заставляют нас пренебрегать интересами животных, могут быть подвергнуты сомнению, и это делается на последующих страницах. Данное сомнение надо выразить словесно, и так получилось, что это делается на английском языке.

Английский язык, как и другие языки, отражает предубеждения тех, кто его использует. Поэтому авторы, желающие бросить вызов этим предубеждениям, находятся в известной ловушке: либо они используют язык, усиливающий те самые предрассудки, которые они хотят опровергнуть, либо им не удастся общаться со своей аудиторией. В нашей книге нам пришлось выбрать первый путь. Мы используем слово «животные», в значении «животные, отличные от человеческих существ». Данное употребление слова отделяет людей от других животных, и таким образом подразумевает, что мы сами животными не являемся – но любой человек, проходивший элементарный курс биологии, знает, что это неправильно. В общепринятом смысле термин «животное» объединяет таких различных существ, как устрицы и шимпанзе, но при этом между шимпанзе и людьми раскидывается пропасть, хотя у человекообразных обезьян больше родства с нами, чем с устрицами. Для обозначения животных, не являющихся людьми, не существует другого короткого термина, поэтому в названии книги и на протяжении всех ее страниц я вынужден использовать слово «животное» так, как будто в него не входят люди. Это обидная ошибка, если исходить из стандартов революционной чистоты, но данный шаг кажется необходимым для эффективной коммуникации. Но иногда, с целью напомнить вам, что это всего лишь вопрос удобства, я буду использовать более длинные и точные формы обозначения тех, кого раньше называли «тварями». В других случаях я старался избегать выражений, которые могут унижать животных или маскировать происхождение пищи, которую мы едим.

Основные принципы освобождения животных очень просты. Я старался написать легкую и понятную книгу, при чтении которой не требовалось бы никаких знаний или опыта. Но надо начать с обсуждения принципов, которые лежат в основе того, что я хочу сказать. В них не должно быть ничего трудно, но первая глава может показаться довольно абстрактной читателям, которые не привыкли к таким обсуждениям. Не бросайте чтение. В следующих главах мы займемся малоизвестными подробностями того, как наш вид эксплуатирует другие виды, находящиеся в человеческой власти. И в этом угнетении, а также в главах, где оно описывается, нет ничего абстрактного.

Если рекомендации из последующих глав будут приняты, миллионы животных избавятся от сильной боли. Кроме того, от этого выиграют миллионы людей. В то время как я пишу, во многих частях света люди умирают от голода. Правительство США заявило, что из-за плохих урожаев и оскудевших запасов зерна оно может поставлять только ограниченную (и недостаточную) помощь; но глава 4 ясно показывает, что в развитых странах при выращивании сельскохозяйственных животных на их прокорм тратится в несколько раз больше пищи, чем в итоге они дают. Если мы прекратим выращивать и убивать животных для получения пищи, то сможем производить такое количество дополнительной еды, что при правильном распределении она ликвидирует на нашей планете голод и недостаточное питание. Освобождение животных – это также освобождение человека.

Предисловие к изданию 1990 года

Перечитать первоначальное предисловие к этой книге – значит вернуться к наполовину забытому миру. Люди, заботящиеся о животных, больше не предлагают мне бутербродов с ветчиной. В организациях по правам животных сейчас все активисты – вегетарианцы; но даже в более консервативных группах по благополучию животных, уже начинают осознавать проблему, связанную с употреблением животных в пищу. Те, кто едят мясо, извиняются по этому поводу и готовы предоставить выбор во время приготовления пищи для других. Существует новое осознание того, что сострадание должно быть распространено не только на собак и кошек, но также и на свиней, кур и даже лабораторных крыс.

Я не могу сказать, в какой мере это изменение связано с книгой «Освобождение животных». Писатели популярных журналов «окрестили ее «Библией движения за права животных». Я нахожу эти слова очень лестными, но одновременно испытываю неловкость из-за них. Я не верю в библии: никакая книга не может иметь монополию на истину. В любом случае ни одна книга не могла бы ничего достичь, если бы она не затрагивала какую-то струнку у своих читателей. Благодаря освободительным движениям 60-х годов, движение за права животных стало следующим закономерным шагом: эта книга собрала воедино все аргументы и преподнесла их в связной форме. Остальное сделали замечательные, равнодушные и трудолюбивые люди – сначала несколько человек, затем сотни, постепенно их количество переросло в тысячи, а сейчас, возможно, и миллионы тех, кто составляет движение за освобождение животных. Я посвятил это пересмотренное и исправленное издание им, потому что без них первое издание постигла бы участь книги Генри Солта «Права животных» (Henry Salt, *Animals' Rights*). Она была опубликована в 1892 году и оставалась пылиться на полках библиотеки Британского музея до тех пор, пока восемьдесят лет спустя новое поколение не сформулировало аргументы снова, случайно натолкнувшись на несколько неизвестных ссылок, и обнаружило, что все это было сказано ранее, но не оказало воздействия.

На сей раз это не будет напрасным. Движение слишком разросло. Уже были достигнуты важные победы в пользу животных. А еще большие – впереди. Движение за права животных сейчас достигло всемирного масштаба и в будущем очень еще долго не будет снято с повестки дня. Люди часто спрашивают меня, доволен ли я тем, как выросло это движение. По тому, как они задают этот вопрос, становится ясно, какой ответ они от меня ждут: я не думал, что книга окажет такое воздействие. Но они ошибаются. По крайней мере, в моих мечтах каждый человек, прочитавший эту книгу, говорит: «Да, конечно», сразу становится вегетарианцем и присоединяется к протесту против того, что мы делаем с животными. В результате, больше людей узнают о целях движения, а несокрушимая волна общественного

протеста вскоре прекращает хотя бы самые ужасные и ненужные формы страданий животных.

Но я признаю, что такие мечты уравниваются моим осознанием трудностей. А именно, консерватизмом большинства из нас, когда заходит речь о том, чем мы набиваем свои желудки; финансовыми интересами, которые требуют сражаться до последнего миллиона, чтобы защитить свое право эксплуатировать животных ради максимальной прибыли; и весомостью истории и традиций, которые поддерживают настроения, оправдывающие эту эксплуатацию. Поэтому я очень рад встречам и получаемым письмам от многих и многих людей, которые после прочтения этой книги сказали: «Да, конечно...», перестали есть животных и начали активно участвовать в движении за освобождение животных. Я, как никогда, доволен тем, что после долгих лет трудной борьбы, в которой участвовало много людей, движение за права животных стало политикой и социальной реальностью. Но, невзирая на все, этого недостаточно, совсем недостаточно. Это издание ясно показывает, что данное движение еще мало повлияло на основные формы эксплуатации животных.

«Освобождение животных» было впервые опубликовано в 1975 году и с тех печаталось практически в неизменном виде. Теперь надо пересмотреть 3 аспекта. Во-первых, когда книга появилась, еще не было движения за права животных. Тогда само это понятие было неизвестно; в то время не существовало крупных организаций, и почти не было мелких, которые бы работали над тем, чтобы радикально изменить отношение общества к животным. Сейчас, 15 лет спустя, было бы странно иметь книгу под названием «Освобождение животных», в которой не уделялось бы внимание тому, что в наши дни существует движение за освобождение животных, и по этой причине не комментируется курс, взятый им.

Во-вторых, параллельно с ростом современного движения за освобождение животных невероятно возросло количество литературы на эту тему – и немалую часть здесь составляет комментирование позиции, изложенной в 1 издании. Также я проводил долгие вечера, обсуждая с друзьями и коллегами по движению и философские вопросы, и практические выводы. Я счел необходимым дать некоторые ответы на все эти дискуссии с единственной целью – показать, в какой степени изменились или, наоборот, не изменились мои взгляды.

И, наконец, вторая и третья главы описывают, что означает для животных наша нынешняя позиция, когда речь идет о двух главных сферах их использования: об экспериментах и животноводстве. Как только я услышал разговоры людей типа: «Конечно, многое улучшилось с тех пор, как это было написано», то понял, что необходимо рассказать и происходящим в наши дни в лабораториях и на фермах, а также привести читателям описания, которые нельзя отнести к далеким мрачным векам.

В новых описаниях заключается большая часть различий между предыдущим изданием и нынешним. Но я отказался от предложения добавить информацию о других видах жестокого обращения с животными. Цель фактического материала не заключается в создании всеохватывающей картины того, как мы обращаемся с животными. Она скорее состоит в том, чтобы продемонстрировать в острой, яркой и конкретной форме

философскую концепцию спесишизма, изложенную в 1 главе. Опускание дискуссий об охоте и ловле капканами, о меховой промышленности, о жестоком обращении с животными-компаньонами, о родео, зоопарках и цирках не означает, что эти вопросы менее важны. В данном случае дело всего лишь в том, что для выполнения моей цели достаточно двух главных вопросов о проведении экспериментов и производстве пищи.

Я решил, что не буду стремиться к ответам на все вопросы, которые возникали у философов при рассмотрении этических аргументов этой книги. Чтобы сделать это, мне пришлось бы изменить характер самой книги и превратить ее в работу по академической философии. В таком виде она представляла бы интерес для моих коллег-философов, но широким массам показалась бы скучной. Вместо этого я указал в соответствующих эпизодах текста некоторые труды, в которых могут быть найдены мои ответы на определенные возражения. Также в последней главе я переписал один отрывок, относительно которого я изменил свои философские взгляды; но он имеет лишь отдаленное отношение к этической основе аргументов, на которых базируется книга. Что касается самих основ, то я в течение длительного времени читал по ним лекции, делал доклады на конференциях и семинарах, проводившихся на философских отделениях, обсуждал их и устно, и в печатных трудах. Но мне не приходилось сталкиваться с непреодолимыми возражениями, из-за которых я мог бы подумать, что простые этические аргументы, лежащие в фундаменте книги, ничего не значат. Меня ободрило то, что многие из моих наиболее уважаемых коллег согласны со мной. Поэтому данные аргументы сохранены здесь без изменений.

Но, как я упомянул выше, первый из трех аспектов этой книги, нуждающийся в обновлении, – это рассказ о движении за освобождение животных и о его курсе. При разговоре об экспериментировании, о промышленном животноводстве, а также в последней главе исправленного издания я упоминаю некоторые крупные компании и победы движения за права животных. Я не предпринимал попыток подробно описывать кампании, потому что некоторые из ведущих активистов сделали это сами, в книге под названием «В защиту животных» (In Defense of Animals), которую я недавно редактировал. Но одному важному для движения вопросу надо посвятить в этой книге достаточно внимания, что я и делаю здесь. Это проблема насилия.

Для продвижения к целям освобождения животных активисты использовали разные средства. Некоторые стремятся просвещать общественность через распространение листовок и написание писем в газеты. Другие лоббируют правительство и их избранных представителей в конгрессе. Группы активистов проводят демонстрации и протестуют рядом с объектами, где животные подвергаются страданиям для удовлетворения человеческих потребностей. Но многие теряют терпение из-за медленного прогресса, который достигается такими методами, и обращаются к более прямым действиям, чтобы прекратить страдания прямо сейчас.

Ни один человек из тех, кто понимает, что приходится выносить животным, не может осуждать такое нетерпение. Вряд ли достаточно сидеть и писать письма, в то время как продолжаются варварства. Надо помогать животным сейчас. Но как? Обычные законные пути политического протеста медленны и не дают гарантии. Нужно ли вламываться и освобождать животных? Это незаконно, но требование подчиняться закону не абсолютно.

Например, оправдания заслуживают те его нарушители, которые помогали беглым рабам на американском юге – и это только одна возможная параллель. Более сложная проблема заключается в том, что непосредственное освобождение животных из лабораторий и промышленных ферм может оказаться всего лишь символическим жестом, потому что исследователи просто закажут новую партию животных. Кроме того, кто найдет дом для 1000 свиней или 100000 кур? В нескольких странах рейды, совершенные Фронтом освобождения животных, оказывались более эффективными, когда в их ходе добывались свидетельства жестокого обращения с животными, которые иным путем не всплыли бы. Например, во время рейда в лабораторию доктора Томаса Дженнаrellи (Thomas Gennarelli) в Пенсильванском Университете (University of Pennsylvania) украденные видеокассеты дали такие свидетельства, которые убедили министра здравоохранения и социального обеспечения в необходимости прекратить эксперименты. Трудно представить себе иной способ, с помощью которого можно было бы добиться этого результата, и мне остается только похвалить смелых, заботливых и умных людей, которые спланировали и провели то конкретное действие.

Но бывают и совсем другие незаконные действия. В 1982 году группа, называющая себя «Милиция за права животных» (Animal Rights Militia), послала письмо-бомбу Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher). В 1988 году Фрэн Трат (Fran Trutt), защитница животных, была арестована, когда устанавливала бомбу в здании Хирургической корпорации США (U.S. Surgical Corporation). Эта компания использовала живых собак для демонстрации своих хирургических приборов. Ни одно из этих действий ни коим образом не характерно для движения за освобождение животных. О «Милиции за права животных» ничего не было известно, и ее действия немедленно осудили все британские организации за права животных. Трат работала одна и ее действия сразу получили публичное осуждение со стороны американского движения (очевидно, это была провокация, потому что ее подвозил к офису корпорации оплаченный тайный информатор, нанятый консультантом безопасности Хирургической корпорации США). Все же такие акции надо рассматривать как крайнее средство воздействия на экспериментаторов, меховщиков и других угнетателей животных, и поэтому важно, чтобы люди, участвующие в зоозащитном движении, четко излагали свою позицию по этому поводу.

Было бы трагической ошибкой, если бы даже малая часть движения стремилась достигнуть своих целей, причиняя вред людям. Некоторые считают, что люди, причиняющие животным страдания, сами их заслуживают. Я не верю в отмщение; но даже если бы верил, это шло бы вразрез с нашей задачей прекратить страдания. Чтобы этого добиться, мы должны изменить позицию здравомыслящих людей в нашем обществе. Мы, возможно, убеждены в том, что человек, который издевается над животными, совершенно бессердечен и бесчувственен; но мы сами опускаемся до этого уровня, когда наносим физический вред или угрожаем расправой этому человеку. Насилие может только породить еще больше насилия – это клише, но оно оказывается трагической правдой в половине конфликтов, происходящих во все мире. В случае с освобождением животных роль силы выполняют этические обязательства; мы придерживаемся высоких моральных принципов, и отречься от них означает сыграть на руку тем, кто выступает против нас.

Найти альтернативу пути, ведущему к возрастанию жестокости, – значит последовать примеру двух величайших, и, что вполне закономерно, наиболее успешных лидеров освободительных движений современности – Ганди и Мартина Лютера Кинга. Они отстаивали принцип ненасилия с огромным мужеством и решимостью, несмотря на провокации своих оппонентов. В конце концов, они добились успеха, потому, что справедливость их дела нельзя было отрицать, а их поведение затронуло совесть даже тех, кто противостоял им. Зло, которое мы причиняем другим биологическим видам, все равно неопровержимо и когда-то станет видно всем; а будущее нашей победы лежит не в страхе перед нашими бомбами, а в правоте нашего дела.

Предисловие к изданию Ессо 2001 года

Более чем через четверть века после того, как появилось первое издание этой книги, многие американцы все еще не в курсе, как делается их пища. Это не случайно. Производители мяса и яиц делают все возможное, чтобы ситуация не изменилась. Недавно одна телекомпания захотела сделать интервью со мной и предложила снять разговор об освобождении животных на фоне животных. «Конечно, – сказал я, – но только чтобы это не были кадры, где я держу на руках собаку или кошку. Освобождение животных не в этом заключается. Давайте зайдем в помещение, где содержатся куры или свиньи, в загон обычного производителя». «Отличная идея», – сказали представители телекомпании. Они начали связываться с фермами в Нью-Джерси, где я работал, и по достижении какой-либо договоренности обещали проинформировать меня. Они позвонили через неделю, чтобы сообщить о неудаче. Ни один из фермеров, к которым они обращались, не соглашался на съемку своих животных. Они даже пошли в Организацию промышленного животноводства (Animal Industry Foundation) – это лоббистская группа людей, которые используют животных, и она утверждает, что у американских фермеров нет поводов стыдиться по поводу условий содержания животных. Организация промышленного животноводства не смогла найти производителя, который согласился бы пустить к себе съемочную группу. Европейцы больше узнали об агробизнесе благодаря двум вспышкам болезни: коровьего бешенства и ящура. Из-за первого заболевания европейская общественность узнала, что мы читаем нашим детям устаревшие рассказы. Коровы живут не на одной только траве. Более того, они уже не травоядные. Чтобы увеличить количество белка в пище, им скармливают отходы бойни. Потом, когда по Британии распространился ящур, в вечерних телевизионных новостях люди видели расстрел сотен тысяч животных только потому, что у них может оказаться ящур (это незначительное недомогание для большинства животных, болеющих им, но, если бы его не ликвидировали, оно бы положило конец экспортной мясной промышленности в Британии). Телезрители стали свидетелями неопровержимого факта, что современное животноводство основывается на обращении с животными как с вещами, как со средствами, не имеющими других причин для существования. После просмотра всего этого тысячи людей в поисках альтернатив животным продуктам обратились в организации, занимающиеся проблемами вегетарианства и прав животных. Отказ от мяса – правильное решение, и лучше поздно, чем никогда, но что, по их мнению, происходило с животными, которых они едят, до того, как они увидели по телевизору расстрел животных? Неужели им казалось, что животные умирают естественной смертью? Удивительно, что для понимания того, что собой представляет современная животноводческая промышленность, людям понадобилось так много времени.

«Освобождение животных» было впервые опубликовано в 1975 году. Текст, который следует за предисловием, – это исправленное издание, и впервые оно было опубликовано в 1990

году. Исправления включают в себя рассказ о том, какие кампании провело движение за права животных до 1990 года, и каких побед достигло. С тех пор, идеи, лежащие в основе этого движения, стали частью популярной американской культуры, вошли в такие фильмы как «Бейб» и «Побег из курятника», а также в телепередачи вроде «Закона и порядка» (Law and Order), которая выходит на канале NBC. В той передаче в январе 2001 был показан эпизод о вегетарианце, активисте движения за права животных, который освобождал обезьян из лабораторий, и об идеях моей книги говорилось с одобрением.

За последние 25 лет усердная работа миллионов людей, которые неравнодушны к страданиям животных, принесла свои плоды – они выражаются в некоторых конкретных победах во благо животных. Под натиском зоозащитного движения косметические корпорации начали вкладывать средства в поиск альтернатив экспериментам на животных.

Вскоре это распространилось на химическую промышленность. Разработка способов тестирования продукции, которые не требуют животных, стала движущей силой в научном сообществе, и, отчасти благодаря этому, число используемых животных снижается.

Несмотря на то, что пушная промышленность заявляет о «возвращении меха», объем продаж меха не смог подняться до уровня 1980-х годов, когда зоозащитное движение начало проводить кампании против этой индустрии. Владельцы животных-компаньонов стали более осведомленными и ответственными, в результате число ненужных и бездомных животных, которых убивают в приютах, сильно сократилось, хоть и остается большим.

Но самые большие достижения для животных были сделаны в Европе, и это касается обращения с сельскохозяйственными животными. Неизбежный, казалось бы, рост промышленного животноводства впервые регрессировал в Швейцарии – в конце 1991 года там была запрещена батарейная система содержания кур, описанная в главе 3. Сейчас швейцарские производители дают возможность курам царапать пол, покрытый соломой или другим органическим материалом, и откладывать яйца в укрытый ящик с мягким полом.

После того, как Швейцария продемонстрировала возможность такой перемены, протесты против клеток распространились по всей Европе, и Европейский Союз, куда входят 15 государств-членов, принял решение постепенно отказаться от стандартных проволочных клеток. К 2012 году от европейских производителей яиц будут требовать, чтобы на каждую птицу приходилось, по меньшей мере, 120 квадратных дюймов (750 квадратных сантиметров), и чтобы у кур имелся доступ к насесту и ящику для гнезда. Если они, невзирая на все, желают содержать кур в клетках, то их размер должен быть гораздо больше, чтобы можно было обеспечить все эти требования. Многие производители сочтут, что экономичнее перейти к совсем другой форме содержания, при которой птицы могут свободно ходить либо в помещении, в большом сарае с насестами, подстилками и ящиками для гнезд, либо с доступом ко двору.

Обращение с курами-несушками – это лишь один пример того, как Европа предпринимает меры для защиты сельскохозяйственных животных. В главе 3 ясно показано, что телята, выращиваемые для употребления в пищу, живут в клетках, в которых невозможно повернуться, лишены соломенной подстилки и доведенные до анемии, возможно, самые

несчастливые сельскохозяйственные животные.

Такая система содержания телят уже была запрещена в Британии, когда я пересматривал текст книги для издания 1990 года. Европейский Союз сейчас решил, что к 2007 году это должно распространиться на всех его участников. В 1998 году в Британии было запрещено содержание беременных свиноматок в индивидуальных загонах, в будущем этот запрет распространится и на другие страны Европы; исключение составят последние 4 недели беременности.

Эти колоссальные перемены получили широкую поддержку во всем Европейском Союзе, и в их пользу говорят мнения ведущих научных экспертов, специализирующихся на условиях содержания сельскохозяйственных животных. Они представляют собой доказательство многого из того, что в течение долгого времени говорили защитники животных, а начался данный процесс в 1964 году, еще до выхода первого издания этой книги, когда появилась книга-первопроходец Руфи Харрисон «Животные машины» (Ruth Harrison, *Animal Machines*).

Когда я присоединился к кампании против промышленного животноводства в 1971 году, казалось, что мы боремся с гигантом, свергнуть которого могут лишь экономические обстоятельства. К счастью, оказалось, что это не так, по меньшей мере, в Европе. Но, к сожалению, перемены, которые сейчас происходят в Европе, еще почти не ставились на повестку дня в США: в типичной клетке на одну курицу там приходится всего 48 квадратных дюймов (310 квадратных сантиметров) – на 60% меньше нынешнего европейского минимума и на 40% меньше того, что Европейский Союз потребует к 2012 году. Телята и свиноматки по-прежнему содержатся в индивидуальных клетках, которые настолько тесны, что в них невозможно повернуться, и настолько коротки, что по ним невозможно ходить. Как ни странно, в США наибольшие надежды на то, что условия жизни животных улучшатся, связаны с «Макдоналдсом». Эта сеть закусочных объявила в 2000 году, что она потребует от своих поставщиков яиц, чтобы те обеспечивали каждой курице пространство в 72 квадратных дюйма (460 квадратных сантиметров). Это требование подводит только к минимальному европейскому стандарту, и сами европейцы говорят, что он устарел. Другие директивы «Макдоналдса» запретят морить кур голодом, чтобы вызвать у них линьку. Эта практика уже незаконна в Европе, но широко распространена в США. Несушки внезапно обнаруживают, что у них полностью исчезла пища и вода. Подача воды возобновляется через день, но птицы не получают пищи в течение двух недель, чтобы в дальнейшем, по окончании голодания, у них повысилась яйценоскость. «Макдоналдс» также рассматривает способы того, как можно отказаться от обрезания большей части клюва – это болезненная процедура, которая в плановом порядке проводится в яичной индустрии для сокращения потерь, потому что птицы, находящиеся в состоянии стресса, заклеивают друг друга. Со времени появления первого издания книги более четверти века назад эти перемены стали первым значительным улучшением благополучия животных в американской яичной индустрии, но если других крупных покупателей яиц в США не удастся убедить последовать примеру «Макдоналдса», то прогресс будет по-прежнему затрагивать лишь малую часть американских кур.

Американцы часто с презрением относились к некоторым европейским странам, особенно к странам Средиземноморья, потому что они меньше заботятся о животных, чем Америка. Но

сейчас ситуация обратная. Даже в Испании с ее традицией корриды основная масса животных имеет большее пространство, чем в Америке, и разрыв будет увеличиваться по мере продвижения реформ в Европейском Союзе. А число быков, погибающих на арене, ничтожно по сравнению с числом кур, свиней и телят, которые содержатся в плохих условиях в Америке.

После переезда в Соединенные Штаты в 1999 году я задумывался, почему Америка так отстает от Европы в области защиты сельскохозяйственных животных. В том ли дело, что американцы просто более жестоки и недалеки, чем европейцы? Возможно, тем не менее, есть и другие объяснения. По понятным причинам организации за права и благополучие животных в США приложили еще недостаточно усилий, чтобы привлечь внимание общественности к вопросам сельскохозяйственных животных. Когда в конце 70-х-начале 80-х годов движение за права животных стало привлекать внимание всей страны, вопросы, которые поднимались, были во многом связаны с использованием животных для тестов в промышленности и в науке. Эксперименты по изучению половой жизни кошек в Американском музее естественной истории (American Museum of Natural History), тестирование косметики на глазах кроликов, обезьяны, наносящие себе увечья в грязных клетках Института поведенческих исследований (Institute for Behavioral Research) (Сильвер Спрингс) – именно эти факты попадали в газеты. Сосредоточение внимания на животных, которые используются в исследованиях, особенно на кошках, собаках, человекообразных обезьянах, мартышках и кроликах привлекает общественность и вызывает сочувствие. Но этого не происходит с фотографиями кур и даже поросят. Эксперименты на животных представляют собой индустрию, в которой задействованы миллиарды долларов, и, конечно, новому движению с очень малым бюджетом было трудно бороться с ней, но это все же более уязвимая цель, чем агробизнес, и она меньше связана с политикой. Поэтому условия содержания сельскохозяйственных животных получали ограниченное внимание, несмотря на то, что в США на каждое лабораторное животное приходится 100 тех, которые выращиваются либо для получения пищи, либо для откладывания яиц.

Еще одна причина различий между США и Европой заключается в том, что в США политический процесс просто более коррумпирован. Выборы обходятся во много раз большую сумму – в 2001 году в Британии на общие выборы ушло меньше средств, чем сенатор Джон Корзайн (John Corzine) затратил в 2000 году при борьбе за одно только место в сенате Нью-Джерси. Поскольку деньги играют более значимую роль, кандидаты более привязаны к своим спонсорам. Кроме того, сбор средств в Европе в значительной мере производится не отдельными кандидатами, а политическими партиями, по этой причине он оказывается более открытым для общественного контроля, а если будет замечена связь с какой-то конкретной индустрией, то возрастут шансы, что это бросит тень на всю партию.

Из-за таких различий агробизнес может в большей степени контролировать Конгресс США, чем политику в Европе. Поэтому самые успешные американские кампании – вроде кампании против использования животных в тестировании косметики, когда в роли объекта протеста изначально выступал Ревлон (Revlon), а также недавние переговоры с «Макдоналдсом» по поводу обращения с животными, которых они покупают, – были направлены скорее на корпорации, чем на Конгресс.

Прежде чем сделать вывод, мне хотелось бы вернуться к теме, которую я поднимал в последнем параграфе вступления к первому изданию. По мнению многих людей, из-за роста населения мы просто вынуждены прибегать к промышленному животноводству, чтобы прокормить такое большое количество народа. Они сосредотачивают внимание на том, что на промышленной ферме большое количество животных находится на маленькой площади, и им кажется, что это более эффективное использование земли, чем традиционная ферма, где маленькое число животных бродят по обширному пространству. Но правда заключается в обратном. Поскольку для прокорма животных на интенсивных фермах нам нужно выращивать зерновые и сою, промышленное животноводство исключительно неэффективно, и при нем теряется до 90% пищевой ценности урожая, который мы скармливаем животным, находящимся на тесном пространстве. И, заканчивая вступление к изданию 1975 года, я писал, что, если бы мы прекратили выращивать и убивать животных для получения пищи, мы бы смогли производить большее количество пищи с меньшим ущербом для экологии. Это по-прежнему так, и, невзирая на то, что сейчас меньше людей ложатся спать голодными, чем в 1975 году, реальное число голодающих людей в наши дни увеличилось по сравнению с тем временем. Распространение промышленного животноводства в Азию, чтобы производить пищу для азиатского среднего класса только усугубляет дело. Но появилась еще одна проблема, о которой я в 1975 году не знал, хотя, когда я вносил поправки для издания 1990 года, у меня уже появилась информация на данную тему, и это – глобальное потепление. Как я описываю в главе 4, интенсивное животноводство способствует глобальному потеплению, потому что при нем на выращивание корма для животных, а также на вентиляцию помещений уходит много энергии. Кроме того, сами животные, особенно коровы, вырабатывают большое количество метана – это парниковый газ, который удерживает тепло в 20 раз эффективнее, чем диоксид углерода. В 1990 году у некоторых еще имелись сомнения по поводу глобального потепления. Сейчас все единодушно согласны, что оно действительно имеет место. В США вырабатывают больше парниковых газов на человека, чем какая-либо другая страна в мире, и типичный американец ответственен за выработку, по меньшей мере, в 15 раз большего количества этого вещества, чем средний индиец. Согласно Доклад о развитии человека, подготовленному ООН (United Nations Human Development Report) в 1998 году, ребенок, родившийся в Соединенных Штатах, за свою жизнь потребляет больше и вносит больший вклад в загрязнение, чем 30-50 детей из развивающихся стран. Питание, в котором присутствует много животных продуктов, полученных с помощью интенсивного животноводства, в большой мере способствует расточительству и загрязнению, а также изменению климата планеты. Настало время перейти к другой пище, как ради животных, так и ради людей.

Питер Сингер

Нью-Йорк, июнь 2001

Благодарности

Благодарить тех, кто помогал при написании книги, – это общепринятая практика, но в данном случае мои благодарности носят особый характер, и их возможно указать только с помощью краткого перечисления.

Осенью 1970 года я был выпускником Оксфордского университета. Хотя я специализировался в области моральной и социальной философии, мне, как и большинству людей, не приходило в голову, что наше отношение к животным стало серьезной нравственной проблемой. Я, конечно, знал, что с некоторыми животными жестоко обращались, но считал, что это были случайные нарушения, но не показатель чего-то принципиально неверного.

Мое спокойствие нарушилось, когда я встретил Ричарда Кешена (Richard Keshen), моего студенческого товарища по Оксфорду и вегетарианца. Во время завтрака я спросил у него, почему он не ест мясо, и он начал рассказывать мне о тех условиях, в которых жили животные, чье мясо я сейчас ем. Благодаря Ричарду и его жене, моя жена и я подружились с Розлинд и Стэнли Годлович (Roslind and Stanley Godlovitch), тоже вегетарианцами, изучающими философию в Оксфорде. В долгих беседах с ними, и особенно с Розлинд, у которой была своя собственная подробная этическая позиция, я убедился, что, поедая животных, я участвую в систематическом угнетении другого биологического вида моим собственным. Центральные идеи этой книги берут свое происхождение из этих бесед.

Теоретический вывод – это одно, а претворение его в практику – другое. Без поддержки и подбадривания Ренаты, моей жены, которая точно так же была убеждена в правоте наших друзей, я мог бы все еще есть мясо, пусть и испытывая угрызения совести.

Идея написать книгу возникла после взволнованных откликов, которые появились после моей рецензии на книгу «Животные, люди и мораль» (Animals, Men and Morals). Редакторами этой книги были Стенли и Розлинд Годлович и Джон Харрис (John Harris), а появилась она 5 апреля 1973 года в «Нью-Йоркском книжном обозрении» (The New York Review of Books).

Я благодарен редакторам этого обозрения за публикацию этого обсуждения книги на немодную тему. Та рецензия, однако, никогда не превратилась бы в книгу без поддержки и помощи следующих людей:

Элеонора Силинг (Eleanor Seiling) из Объединенного действия в защиту животных (United Action for Animals), Нью-Йорк. Она обеспечила мне доступ к уникальному собранию документов об экспериментировании, которым располагала ее организация. А резюме Элоиз Аковиц (Alois Acowitz) на доклады экспериментаторов помогли мне гораздо быстрее найти то, в чем я нуждался.

Ричард Райдер (Richard Ryder) любезно предоставил мне материалы, которые он собрал для своей собственной книги «Жертвы науки» (Victims of Science).

Джоанна Боуэр (Joanne Bower) из Общества по пищевым продуктам и сельскому хозяйству (Farm and Food Society) в Лондоне, предоставила мне информацию об условиях содержания сельскохозяйственных животных в Великобритании. Кэтлин Дженевай (Kathleen Jannaway) из Веганского Общества Великобритании (Vegan Society of the United Kingdom), помогла мне найти отчеты, где рассказывается о полноценности растительной пищи.

Джон Нортон (John Norton) из Лиги спасения животных (Animal Rescue League) в Бостоне и Марта Кое (Martha Coe) из Архивов Аргуса (Argus Archives) в Нью-Йорке предоставили материалы по транспортировке и убою животных в США.

Шотландское Общество по Предотвращению Вивисекции (Scottish Society for the Prevention of Vivisection) помогло достать фотографии экспериментов над животными.

Дадли Джил (Dudley Giehl) из «Освобождения животных», Inc. (Animal Liberation, Inc.) в Нью-Йорке позволил мне использовать собранные им материалы по интенсивному животноводству и вегетарианству.

Алиса Херингтон (Alice Herrington) и Джойс Ламберт (Joyce Lambert) из «Друзей животных» (Friends of Animals) в Нью-Йорке помогали многими способами, и Джим Мэйсон (Jim Mason) из той же организации подготовил визиты на интенсивные животноводческие фермы.

На кафедре философии Нью-Йоркского Университета (New York University), куда меня пригласили читать лекции в 1973-1974 учебном году, для меня была благоприятная атмосфера и идеальные условия для исследований и написания, а мои коллеги дали мне ценные комментарии и критические замечания. Также у меня была возможность предоставить мои взгляды на животных для критического рассмотрения студентам и преподавателям, которые учились и работали на философских отделениях следующих университетов: Брауновский университет (Brown University), Фордхэмский университет (Fordham University), Университет Лонг Айленд (Long Island University), Университет Северной Каролины (North Carolina State University), Университет Патгерса (Rutgers University), Калифорнийский Университет (California University), Университет Нью-Йорка (State University of New York) в Брокпорте, Университет Тафтса (Tufts University), Университет Майами (University of Miami), Уильямс-колледж (Williams College), Юридическая школа Йельского университета (Yale Law School). То же самое можно сказать про собрание Общества Философии и связей с общественностью (Society for Philosophy and Public Affairs) в Нью-Йорке. Главы 1 и 6 заметно выиграли после обсуждений, следовавших за моими лекциями.

Наконец, я должен поблагодарить редакторов и издателя «Нью-Йоркского книжного обозрения» за то, что они поддержали книгу, и особенно Роберта Силверса (Robert Silvers), чьи ценные редакторские советы значительно улучшили первоначальную рукопись. Остается только добавить, что всю ответственность за какие-либо недостатки я беру на себя.

П.С.

Сентябрь 1975

Благодарности к исправленному изданию

При подготовке этого исправленного издания мне помогало так много людей со всего мира, что я вынужден некоторых пропустить, за что извиняюсь. Иногда помощь заключалась в чтении черновиков, иногда в пересылке материалов, чтобы я был в курсе событий, происходящих в самых разных странах. Вот список, и порядок в нем не имеет никакого значения: Дон Барнз (Don Barnes) и Мелинда Морилэнд (Melinda Moreland) из Национального Антививисекционного Общества (США) (National Anti-Vivisection Society), Алекс Хершафт* (Alex Hershaft) из Движения за реформы в животноводстве (Farm Animal Reform Movement), Макдональд Уайт (MacDonald White) и Энн Сен-Лопен (Ann St. Laurent) из Объединенного действия в защиту животных (United Action for Animals), Джойс Д'Сильва (Joyce D'Silva) и Кэрол Лонг (Carol Long) из «Сострадания в мировом животноводстве» (Compassion in World Farming), Клер Дрюс (Clare Druce) и Виолет Спэлдинг (Violet Spalding) из «Освобождения цыплят» (Chickens' Lib), Генри Спира (Henry Spira) из Международной организации по правам животных (Animal Rights International), Брэд Миллер (Brad Miller) из Ассоциации гуманного животноводства (Humane Farming Association), Ким Сталвуд (Kim Stallwood) и Карла Беннетт (Carla Bennett) из организации «Люди за этическое отношение к животным» (People for the Ethical Treatment for Animals), Питер Гамильтон (Peter Hamilton) из «Силы жизни» (Lifeforce), Мария Комниноу (Maria Comninou) из Ассоциации Энн Арбор за ответственное отношение к животным (Ann Arbor Association for Responsible Animal Treatment), Джордж Кейв (George Cave) из «Видов без границ» (Trans-Species Unlimited), Паола Кавальери (Paola Cavalieri) из «Этики и Животных» (Etica & Animali) в Милане, Биргита Карссон (Birgitta Carsson) из Шведского Общества против болезненных экспериментов над животными (Swedish Society Against Painful Experiments on Animals), Детлеф Фёльш (Detlef Folsch) из Института наук о животных (Institute of Animal Sciences), Швейцарский федеральный технологический институт (Swiss Federal Institute of Technology), Чарльз Мейджел (Charles Magel), Джон Роббинс (John Robbins), Ричард Райдер (Richard Ryder), Клайв Холландс (Clive Hollands) и Джим Мэйсон (Jim Mason).

Особую благодарность выражаю Лори Груэн (Lori Gruen), которая работала в качестве координатора в США, собирая новые материалы и помогая мне усовершенствовать главы по экспериментам и животноводству. Она также внесла много ценных предложений по поводу всей книги. Лори, в свою очередь, желает поблагодарить людей, в добавление к вышеуказанным, которые снабжали ее информацией: Диану Халверсон (Diane Halverson) из Института Благополучия Животных (Animal Welfare Institute); Эви Мэгидофф (Avi Magidoff), Джеффа Дайнера (Jeff Diner) и Мартина Стивенса (Martin Stephens), чья работа по исследованию экспериментов над животными в США оказалась бесценным источником информации; Кена Ноулза (Ken Knowles) и Дейва Макаули (Dave Macauley).

Кроме того, когда я вносил исправления в главу о промышленном животноводстве, мне помогла та огромная и тщательная работа, которую проделали Сюзанна Поуп (Suzanne Pope) и Джеф Рассел (Geoff Russel) из Австралийской и Новозеландской Федерации обществ защиты животных (Australian and New Zealand Federation for Animal Societies). Мои комментарии по рыболовству пополнились из другого замечательного источника, который подготовила в штате Виктория для «Освобождения животных» Петти Марк (Petty Mark). Наконец, я снова в огромном долгу перед «Нью-Йоркским Книжным Обозрением» (the New York Review of Books): перед Робертом Силверсом (Robert Silvers) за то, что он поддержал идею нового издания и применил свои прекрасные навыки критика при подготовке к печати; перед Риа Хедерманом (Rea Hederman), который руководил многими аспектами публикации; и перед Нейл Гордон (Neil Gordon), чья помощь в контроле типографского набора была неоценимой.

П.С.

Ноябрь 1989